

Юн Шаню, выросшему с Юнь Линем, крайне редко удавалось увидеть своего брата, обычно всегда здорового и крепкого, в таком состоянии. Юноша так сильно дрожал, что Юн Шань даже начал терзаться раскаянием, осознавая, насколько его брат замёрз по его вине. Нахмутив чёрные брови, юноша начал громко отчитывать Чан Дэфу:

— Ты что, растерял все свои навыки? Чего медлишь? Скорее подай ему горячего бульона! — Чан Дэфу тут же промолвил: «Слушаюсь» и мгновенно исчез из комнаты, чтобы выполнить приказ.

— Подойди, — с мрачным видом приказал Юн Шань, поглядев на Юн Линя.

Несмотря на то, что старший брат уже не раз его ударил, и те горькие слёзы, что он выплакал после, Юн Линь всё же не посмел ослушаться, а потому покорно двинулся с места. Однако он оставался настороже и тут же остановился, увидев, как правая рука Юн Шаня слегка зашевелилась. Юн Линь пристально следил за движениями рук брата, словно считая, что тот может снова его ударить.

Юн Шань невольно улыбнулся и, понизив тон, заговорил:

— Я не буду бить тебя. — Юноша откинул уголок ватного одеяла, приглашая брата: — Залезай. Если я позволю тебе замёрзнуть насмерть, разве матушка не убьёт меня?

Жутко замёрзший, Юн Линь уже какое-то время невольно глядел на тёплое ватное одеяло Юн Шаня жадным взглядом. Он без особых уговоров быстро скинул с себя обувь и, словно испуганная морозом кошка, залез под одеяло и лёг рядом со старшим братом. Его руки и ноги, словно ледышки, неожиданно прикоснулись к мягкому и горячему телу Юн Шаня, передавая ему свой холод.

— А ты смелый, раз лёг ко мне так близко, даже не боясь, что я тебя ударю.

Юн Линь, испытывая недоумение, задал встречный вопрос:

— Разве ты не говорил, что не ударишь меня?

Слова Юн Линя рассмешили Юн Шаня. Хоть этот младший брат и создавал проблемы, но всё же его нельзя было не любить и не испытывать сожаление.

Оба брата лежали у изголовья кровати. Накрывшись ватным одеялом, они прислонились друг к другу. Очень скоро оба начали согреваться.

— А если я всё-таки ударю тебя?

— Что поделаться? — надул губы Юн Линь. — Ты называешься моим старшим братом и также являешься наследником престола, так что если ты убьёшь меня, значит такова моя судьба.

Юн Шань слегка удивился и, повернув голову, посмотрел на Юн Линя. В голосе младшего брата совсем не было каких-либо обидных ноток или злости.

— Я выместил на тебе свою злость, и ты правда нисколько не обиделся и не злишься на меня за это? — не сдержавшись, спросил Юн Шань.

Юн Линь закусил нижнюю губу, распахнув глаза словно тигрёнок, задумался на какое-то время и только потом шёпотом ответил:

— В том, что случилось, есть и моя вина, равно как и вина старшего брата Юн Ци. Ему не стоило писать письмо, а мне — передавать его наложнице Ли. Лучше уж вымещай свой гнев на мне, чем на старшем брате Юн Ци.

Юн Шань вздрогнул.

Всякий раз, когда Юн Линь защищал Юн Ци, Юн Шань приходил в ярость, однако сейчас юноша был на удивление спокоен. Юн Шань тоже прекрасно понимал, что на самом деле нужно было наказать главного виновника — Юн Ци, но он просто-напросто не мог этого сделать и поэтому выместил свою злость на младшем брате.

После долгого молчания Юн Шань спросил:

— Так если ты не обиделся и не злишься, тогда почему ты уселся на снежную дорожку и плакал?

Юн Линь не подал голоса.

Юн Шань не выдержал и вновь заговорил:

— Ты настоящий мужчина, к тому же сын императора, к чему эти слёзы? И ведь даже не боишься людских насмешек. Ещё и уселся на заснеженную дорожку, не думая о том, в какое положение ты себя ставишь.

Но Юн Линь продолжал молчать, склонив голову. Было неясно, то ли он в раскаянии, или же ему стало неловко, однако потом юноша неожиданно начал смеяться, обнажив в улыбке белоснежные зубы, такие же, как и у Юн Шаня. Выражение его лица приняло озорной вид, словно у маленького ребёнка.

— Старший брат, я сразу понял, что все твои слова — ложь, и что ты очень сильно любишь

меня. Ты очень сильно любишь меня, правда? — Он был безмерно счастлив, словно ребёнок, которому наконец удалось повернуть одну из своих шалостей.

Наблюдая за этой детской непосредственностью, Юн Шань ничего не мог сделать — ни толком отругать, ни рассмеяться.

В этот момент Чан Дэфу принёс горячий бульон и подал Его Высочеству Юн Линю, который, взяв его в руки, начал пить, одновременно болтая с Юн Шанем.

Внезапно раздался звук торопливых шагов, сопровождаемый тихим и учтивым голосом слуги:

— Прошу простить Вашего слугу, но я пришёл сюда, чтобы доложить...

Не успел мужчина договорить, как дверь уже распахнулась. Порыв свежего и холодного ветра настиг кровать, и оба брата в одно мгновение увидели, как в комнату вошла матушка Шу. Позади неё семенили слуги, которые хотели её остановить, но не осмеливались вставать на пути императрицы.

<http://bllate.org/book/13372/1189557>